

**СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИКИ О ВЛИЯНИИ БЫТА
ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ УРАЛА НА ИХ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В 1920-е гг.**

Одной из наиболее актуальных проблем политической истории Советской страны в годы НЭПа является проблема формирования общественной психологии рабочего класса и ее влияния на поведение рабочего класса в общественно-политической деятельности. Данная проблема исследуется в работах А.С. Ахиезера, Л.А. Булавки, Н.Б. Лебиной, С.В. Тяжелниковой, С.В. Ярова и др. на общероссийском¹, в работах Л.Н. Бехтеровой, С.И. Быковой, М.А. Фельдмана, Р.А. Хазиева и др. на уральском материале².

М.А. Фельдман отмечает, что с середины 1980-х гг. на исследование по формированию общественной психологии серьезное влияние стали оказывать зарубежные авторы, которые проявляли самое пристальное внимание «именно к этой сфере жизни рабочих»³.

Действительно, именно работы американских исследователей социальной истории, прежде всего, Ш. Фитцпатрик, оказали наибольшее влияние на современных исследователей истории советского рабочего класса. Она, в частности, обратила внимание на роль ветеранов Гражданской войны на формирование общественной психологии миллионов советских рабочих в 1920-е гг.⁴

В современной историографии проблема формирования общественной психологии рабочего класса была подвергнута самому серьезному переосмыслению по сравнению с традиционной точкой зрения, смысл которой сводился к тому, что на формирование общественной психологии рабочего класса оказывала целенаправленная политика Советского государства по отношению к рабочему классу.

Правда и в современной историографии имеются приверженцы данной точки зрения. Г.Н. Шапошников, справедливо указывая, что в переломные периоды происходит глубокая ломка общественной психологии, пишет, что «в этих условиях огромное значение приобретает социальная политика государства, как верховного института власти. При помощи взвешенной толерантно ориентированной политики государственные институты могут успешно стабилизировать маргинальную массу. Достаточно оперативно создать условия для формирования элементов культуры modernity»⁵. С.И. Быкова подчеркивает: «Ориентация на строительство социализма и идеал «нового челове-

ка» как главные мифы способствовали созданию особой атмосферы исторического оптимизма, формированию этики героизма и стремления к самосовершенствованию, которые прагматически использовались властью»⁶. По ее словам, «власть использовала миф о лучших людях социалистической индустрии и как фактор мобилизации трудящихся и как средство героизации рутинного повседневного производственного процесса»⁷.

Однако основная точка зрения современных исследователей на данный вопрос сводится к тому, что общественная психология рабочего класса во многом определялась традиционным укладом жизни, менталитетом рабочих. С.В. Яров полагает, что представления рабочих по политическим, социальным и экономическим проблемам определялись «бытовым» реагированием на различные явления в жизни страны, не были ни глубоки, ни систематичны»⁸.

Большинство авторов утверждает, что предпосылкой для манипуляции сознанием в 1920-е гг. было то, что традиционный уклад уральских рабочих сохранялся весьма длительное время после окончания Гражданской войны. О.С. Поршнева считает, что менталитет рабочих Урала в этот период мало, чем изменился, и в нем по-прежнему сохранялись консервативно-патриархальные представления⁹. Справедливость этого тезиса подтверждает Л.Н. Бехтерева на примере потомственных рабочих Ижевских заводов, которые в 1920-е гг. сохранили дореволюционный образ жизни и уклад, который автор квалифицирует как «нравственно-бытовой традиционализм с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем и религиозностью»¹⁰.

Оценка современными исследователями менталитета и представлений уральских рабочих начала 1920-х гг. дала повод М.А. Фельдману заметить, что она оставалась «верна на протяжении 20–30-х гг.»¹¹

Анализ современной литературы по проблеме формирования общественной психологии рабочего класса в 1920-е гг., позволяет сделать вывод о том, что в ней содержатся разные мнения по вопросу о факторах, которые оказывали влияние на этот процесс. Сторонники традиционной точки зрения призывают сделать основной упор при изучении политической активности рабочего класса на достоинства и недостатки проводимой государством социальной политики. Другая часть исследователей обращает внимание на влияние на общественную позицию рабочего класса традиционного уклада жизни уральских рабочих, который сформировался еще на рубеже XIX–XX вв.

Примечания

¹ См.: Лебина Н.Б. Источники изучения социальной психологии рабочей молодежи 20–30-х гг. // ВИД. Л., 1991. Т. 22; Яров С.В. Оппозиционные настроения рабочих в советской России в 1917–1921 гг.: структура и принципы // КЛИО (Межвузовский журнал для ученых). СПб., 1997. №1; Он же. Политические взгляды рабочих на раннем этапе нэпа: механизм унификации и контроля (1921–1923) // Там же. №3; Он же. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Он же. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Он же. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. СПб., 2001; Он же. О пользе нового прочтения документов: Рабочий активизм в послереволюционной России // Отеч. история. 2002. №2; Он же. Источники для изучения психологии российского общества XX века. СПб., 2003; Ахизер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. №2; Булавка Л.А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в России. М., 2003; Тяжелникова В.С. Механизмы социальной поддержки коммунистической власти. 1917–1927 гг. М., 2004; и др.

² См.: Быкова С.И. Уровень образованности как фактор политической активности // История советской России: новые идеи, суждения. Тез. 2-й респ. конф. Тюмень, 1993. Ч. III; Хазиев Р.А. Экономическое правосознание рабочих и крестьян Урала в 1917–1921 гг. // Право, насилие, культура в России: Регион. аспект (первая четверть XX в.). М.; Уфа, 2001; Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отеч. история. 2000. №2; и др.

³ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001. С. 27.

⁴ См.: Фитцпатрик Ш. Гражданская война в советской истории // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 356–357

⁵ Шапошников Г.Н. Общественное сознание и феномен репрессий в 1930-е гг. на Урале // Россия в XX веке: история и историография. Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 147

⁶ Быкова С.И. Политические представления советских людей в 1930-е гг. (на материалах Уральского региона): Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13

⁷ Там же. С. 15

⁸ См.: Яров С.В. Политические взгляды рабочих на раннем этапе нэпа. С. 27

⁹ См.: Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 182

¹⁰ Бехтерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е гг. (количественные и качественные характеристики): Автореф. дис... канд. ист. наук. С. 18

¹¹ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 328

А.В. Чевардин (УрГУ)

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ РККА — «ЗАПАДНИКИ» НА ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРОЙКАХ УРАЛА В 1941–1942 гг.

Воинская повинность в Советском энциклопедическом словаре трактуется как «почетная обязанность и священный долг граждан защищать социалистическое Отечество и нести службу в рядах Вооруженных Сил СССР». После присоединения в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии, юноши призывного возраста бывших польских земель были обязаны идти в армию наряду с остальными гражданами СССР. Таким образом, в 1940 — начале 1941 гг. советские вооруженные силы пополнились призывниками 1917–1920 гг. рождения.

С началом Великой Отечественной войны многие «западники» были отправлены в тыл на хозяйственные работы в составе воинских контингентов. Исследованием установлены некоторые места их дислокации на Урале. В городе Свердловске летом 1941 г. был создан строительный батальон №1¹, куда первоначально попадали многие «западники», снятые с фронта и отправленные на Урал. Выходцы из западных областей оказались в 817 отдельном строительном батальоне, в 818 рабочей колонне (все они располагались на территории города Каменск-Уральский), в 852 особой строительной колонне и стройбатальоне №768, расквартированных в г.Нижнем Тагиле. Строительный батальон в 1941–1942 гг. располагался и в городе Первоуральске, где использовался на Новотрубном заводе².

Условия жизни прибывших с запада солдат были тяжелыми, особенно в первое время. В Каменске-Уральском они жили в бараках на территории Уральского алюминиевого завода (УАЗ). В Нижнем Тагиле солдат разместили на Уральском вагоностроительном заводе (УВЗ), где они вырыли себе землянки. Архивные документы говорят о том, что военнослужащие, многие из которых выполняли тяжелую физическую работу, были недовольны количеством и качеством еды.

Большинство западников лояльно относилось к советской власти, хотя и испытывали трудности в жилищных условиях, питании. Осо-